
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

«МЯГКАЯ СИЛА» РОССИИ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ФОКУСЕ: ТРАДИЦИИ, ПРОТИВОСТОЯНИЕ, КОНКУРЕНЦИЯ

В. В. Воротников ^{а, б}

Н. А. Иванова ^в

---

^а Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России, 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76.

^б Институт Европы Российской академии наук, 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

^в АО «Гражданские самолеты Сухого», 115280, Россия, Москва, Ленинская слобода, 26, стр. 5.

Поступила в редакцию 25.03.2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-6

© Воротников В. В., Иванова Н. А., 2019

Цель статьи — проанализировать исследовательский дискурс стран Прибалтики (Латвии, Литвы и Эстонии) по вопросам проецирования российской «мягкой силы» и сравнить господствующие в нем тезисы с действительной практикой взаимодействия России и этих государств в информационном, образовательном и культурном пространствах. В каждом из них создана система политических и правовых ограничений с целью сокращения возможностей проецирования «мягкой силы» России, которое рассматривается в категориях «жесткой силы» — как угроза национальной безопасности. Вследствие этого «мягкая сила» России в тех форматах, в которых она сегодня реализуется, фактически теряет в этом регионе свою эффективность, а ее использование в условиях негативного политического контекста двусторонних отношений приводит к обратному эффекту — еще большему ухудшению репутации и образа России. Основную роль в этом играет информационный контент русскоязычного медиапространства, который противоречит историческим и политическим взглядам значительной части правящего класса стран Прибалтики и становится целевым объектом противодействия. В то же время культура (как высокая, так и массовая) и отчасти образовательные услуги показывают свою привлекательность и востребованность не только со стороны русской/русскоязычной аудитории, но и со стороны представителей титульных этносов. Приведенный в статье анализ показывает, что тезисы прибалтийских исследователей о политической обусловленности проецирования «мягкой силы» России и ее чуждости для стран этого региона носят явно преувеличенный и тенденциозный характер. В свою очередь, российская «мягкая сила» в государствах Балтии сохраняет потенциал содействия внешней политике, не являясь ее инструментом, но в силу естественных культурно-исторических причин дополняя ее.

Ключевые слова:

«мягкая сила», проецирование «мягкой силы», внешняя политика России, страны Прибалтики, Латвия, Литва, Эстония

Для цитирования: Воротников В. В., Иванова Н. А. «Мягкая сила» России в странах Прибалтики в исследовательском фокусе: традиции, противостояние, конкуренция // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 3. С. 107–124. doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-6

Сложившаяся в современной мировой политике и международных отношениях ситуация подтверждает, что влияние государства на мировой арене определяется помимо политики, экономики и военной силы умением быть привлекательным для партнеров. Для государств сегодня важно обладать потенциалом в тех сферах, которые партнерам интересны, а также грамотно этот потенциал обозначать, информировать о нем. Суть привлекательности государств и некоторые технологии ее формирования классически описал американский исследователь Дж. Най в концепции «мягкой силы», сформулированной в книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской мощи» [1].

Согласно его подходу «мягкая сила» — «это способность государств привлекать других на свою сторону, добываясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов». По его мнению, «в основе мягкой силы государства находятся три составных части: его культура (в тех сферах, которые являются привлекательными для других), его политические ценности (когда оно руководствуется ими как во внутренних, так и во внешних делах) и его внешняя политика (когда она воспринимается легитимной и имеет моральный авторитет)» [2, с. 221]. Привлекательность же, в свою очередь, по мнению британского исследователя, автора концепции национального бренда С. Анхольта, формирует авторитет государства на мировой арене, что позволяет государству с меньшими усилиями обходить конкурентов в достижении своих внешнеполитических целей [3, р. 2]. Этот аспект силы государства в развитие концепции Дж. Най изучали и другие зарубежные авторы: М. Нисбетт [4], М. Уэллер [5], Дж. Макклори [6], Р. Захарна [7] и др. Взгляды Дж. Най получили свое развитие также в исследованиях в области национального бренда и брендинга государств (Н. Попадопулос [8], Д. Сонди [9] и др.), посвященных возможностям государств получать на мировом рынке финансовую прибыль, опираясь на свою привлекательность, привлекательность компаний и товаров, ассоциируемых с этими государствами. К примеру, С. Анхольт к числу ресурсов государства, которые обладают привлекательным содержанием, относит шесть ключевых направлений: продвижение туризма; экспорт товаров и услуг; политика руководства страны; технологии привлечения в страну инвестиций и рекрутирования талантливых иностранных сотрудников; репутация населения государства в мире; культурные обмены, репутация культуры государства в мире, экспорт культуры и спорта [10, р. 4].

Характерно, что именно о «мягкой силе» (не используя, впрочем, соответствующий термин) как о факторе американской глобальной мощи писал и Зб. Бжезинский в ставшей классической работе «Великая шахматная доска»: «Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире. Ее привлекательность, вероятно, берет свое начало в жизнелюбивом качестве жизни, которое она проповедует, но ее притягательность во всем мире неоспорима. Американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение, и увлечениям американцев, привычкам в еде и даже одежде все больше подражают во всем мире. Язык Internet — английский, и подавляющая часть глобальной компьютерной «болтовни» — также из Америки и влияет на содержание глобальных разговоров. Наконец, Америка превратилась в Мекку для тех, кто стремится получить современное образование. <...> Выпускников американских университетов можно найти почти в каждом правительстве на каждом континенте» [11, с. 38].

В России концепция «мягкой силы» вызвала значительный интерес в 2000-е годы. Это было связано с осознанием на уровне руководства государства необхо-

димости восстановления влияния России в мире. На высшем уровне понятие было использовано в 2012 году в статье председателя Правительства В. В. Путина «Россия и меняющийся мир», однако получило несколько иное, чем у Дж. Най, звучание. В. В. Путин использовал следующее определение «мягкой силы»: «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия»¹. Затем понятие было включено и в официальные документы. В Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 года «мягкая сила» определяется как «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»². В Концепции внешней политики от 30 ноября 2016 года отмечается, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов “мягкой силы”, прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам»³.

Важнейшая проблема теоретического осмысления «мягкой силы» в отечественной науке, которую зафиксировала российский исследователь М. М. Лебедева, связана с принципиальной разницей в теоретических подходах, в рамках которых рассматривается «мягкая сила». В рамках реалистского подхода понятие «мягкая сила» отождествляется с таким понятием, как пропаганда, и другими методами невоенного влияния. «Дж. Най четко фиксирует различие между “мягкой силой”, используемой в реалистском ее понимании, когда за счет разных средств, в том числе и привлекательности, проявляется стремление к реализации собственных интересов, с одной стороны, и ситуацией, когда взаимодействие ведет к взаимному обогащению и сотрудничеству участников (неолиберальный подход) — с другой» [12, с. 215]. Дж. Най придерживался неолиберального подхода, в рамках которого «мягкая сила» основывается на объективной привлекательности, а взаимодействие сторон предполагает кооперацию и приводит к взаимному обогащению и выгоде. В России преобладает понимание «мягкой силы» как использование невоенных методов воздействия на противоположную сторону [12, с. 213], а следовательно, и реалистский подход к «мягкой силе».

В целом именно в 2010-е годы в России началась систематизация и теоретическое осмысление [13—15] ресурсного потенциала «мягкой силы», были приложены определенные усилия по созданию механизмов ее проецирования на международно-политическую среду, в том числе и на регион государств Балтии (Латвии, Литвы, Эстонии).

Цель настоящей статьи — проанализировать соответствие образа проецирования «мягкой силы» России на страны Прибалтики, сформированного в исследовательском дискурсе этих стран, действительной практике взаимодействия в информационной, образовательной и культурной сферах. Основная гипотеза состоит

¹ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 21 февр. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 16.01.2019).

² Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 г. // МИД России. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 16.01.2019).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. // МИД России. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 16.01.2019).

в том, что в условиях определяемого политическими факторами противостояния и естественного состояния конкуренции «мягких сил» различных акторов на пространстве стран Балтии российская «мягкая сила» сохраняет значительный потенциал привлекательности и востребованности местной как титульной, так и русской/русскоязычной аудиторией.

«Мягкая сила» России в странах Балтии в оценках прибалтийских исследователей

Сегодня политические отношения России и стран Прибалтики носят открыто конфронтационный характер, торгово-экономическое сотрудничество также всё чаще стало демонстрировать негативную динамику. Двусторонняя конфликтность отношений России с Латвией, Литвой и Эстонией фактически парализует возможности официальной дипломатии России в странах Прибалтики⁴. И в этих условиях проводники (СМИ, НПО, фонды) и ресурсы «мягкой силы» России и стран Прибалтики (сотрудничество в области образования, науки, культуры и спорта) остаются фактически единственными возможностями для обеспечения регулярного диалога, который, таким образом, перешел в основном в плоскость общественной дипломатии.

Вместе с тем кейс проецирования «мягкой силы» России в странах Балтии обладает особенностями, не характерными в столь ярко выраженной форме для других государств. И эти особенности на системном уровне определяют возможности ее успеха — улучшения своего имиджа, создания более благоприятной среды для политического диалога и экономических отношений, повышения к себе доверия и лояльности.

Большинство исследователей из стран Прибалтики, занимающихся вопросами «мягкой силы», фокусируются на изучении практики ее использования, причем многие работы посвящены опыту проецирования Россией «мягкой силы» в отношении Латвии, Литвы и Эстонии. В число таких авторов входят А. Кудорс, Г. Пельненс, Д. Потемкина, Т. Ростокс, А. Спрудс [16] (Латвия); В. Исода [17], А. Григас [18], Н. Малюквичюс [19] (Литва); У. Паэт [20], К. Каас, Э. Туюхи, Ю. Тупай, Ю. Кивиряк [21] (Эстония). В работах прибалтийских исследователей «мягкая сила» России получила оценку угрозы национальной безопасности.

Использование Россией «мягкой силы» в странах Балтии стало предметом исследования ведущих экспертов этих государств в области международных отношений и безопасности, а также ряда крупных западных исследовательских институтов уже с начала 2010-х годов. Особую активность и тщательность анализа демонстрируют работы последних пяти лет, подготовленные во многом под воздействием «украинского кризиса». В частности, латвийские исследователи А. Спрудс и Т. Ростокс в числе характерных черт «мягкой силы» говорят о «сконструированной» привлекательности [16, р. 8—29; 21, р. 16], т. е. неестественной, а следовательно, неинтересной для ее адресатов и даже вызывающей подозрение. Литовский исследователь Н. Малюквичюс отмечает, что концепция Дж. Ная в российской практике «мягкой силы» утратила нацеленность на диалог, на долгосрочные конструктивные отношения и выдержанность в парадигме сотрудничества. По его мнению, концепция была упрощена до понимания ее как комплекса политтехнологий, используемых в собственных (односторонних) и лишь краткосрочных целях [19, р. 124].

⁴ *Интервью* посла РФ в Эстонии: Таллин пугает народ «российскими шпионами». 2018. 8 февр. // ТАСС. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/4939214> (дата обращения: 16.01.2019).

Шведский исследователь Г. Перссон на основе анализа официальных российских документов, относящихся к политике «мягкой силы», пришла к выводу, что Россия понимает «мягкую силу» как ресурс, который во время конфликта может быть использован в качестве ресурса военного влияния. Привлекательность российской «мягкой силы» носит преимущественно манипулятивный, а не объективный характер [21, р. 16]. Особенность политики «мягкой силы» России, отличающая ее от политики «мягкой силы» других стран, — желание «иметь влияние, не будучи никому подвластной», исключая саму возможность испытывать влияние со стороны любого из государств [21, р. 29].

Точку зрения прибалтийских политических элит и экспертных кругов относительно применения Россией ресурсов «мягкой силы» в странах Балтии можно представить в виде следующих тезисов:

— российское понимание «мягкой силы» и работы ее механизмов отличается от общепринятого в международном исследовательском сообществе и политической практике ведущих государств Запада;

— использование «мягкой силы» рассматривается как одна из форм «невоенного влияния» и является частью общей политики в отношении стран Балтии, направлено на подрыв их политического, экономического и цивилизационного выбора, необратимость которого до сих пор пока неоднозначна ввиду инфраструктурной зависимости от «бывшей империи», а также сохранения политической и деловой культуры прежней эпохи [18, р. 14];

— «мягкая сила» России проецируется на прибалтийские государства через политику в отношении соотечественников, реализуемую специализированными российскими государственными институтами или НПО, получающими государственное финансирование, создающими сетевые структуры, как правило, в гуманитарной сфере; через работу российских телеканалов и радиостанций; через культурное влияние (включая трансляцию иного дискурса в отношении сложных периодов совместной истории в XX веке и стимуляцию ностальгии по советской эпохе и тогдашнему благополучию);

— российская культура (как «высокая», так и поп-культура) называется фактически единственной положительной составляющей российского влияния в странах Балтии (обогащающей их собственные культуры), однако часто строится в основном на «советском наследии» и в силу этого может иметь ценностно-идеологический окрас, а значит, использоваться Россией для проведения своих внешнеполитических интересов и реализации враждебных государствам Балтии целей;

— применение Россией «мягкой силы» в странах Балтии не очень результативно и в долгосрочном периоде малоперспективно ввиду сокращения пространства использования русского языка, изучение которого не вызывает большого интереса у молодых людей, большинство из которых выбирают получение высшего образования у себя в странах или странах ЕС. Правящие элиты прибалтийских государств расценивают знание русского языка населением не как дополнительный ресурс, способный стать фактором повышения конкурентоспособности экономик, а как проблему или угрозу. Более того, проблема использования русского языка в повседневной жизни и особенно в образовательном процессе рассматривается с точки зрения «оккупационной доктрины» — как один из реликтов советской эпохи, который желательно поскорее изжить. Важную роль в этом процессе должен сыграть перевод образования (как среднего, так и высшего) на национальные языки — процесс, который на сегодняшний день уже практически завершен.

Оценка «мягкой силы» России как угрозы ежегодно фиксируется также в отчетах органов государственной безопасности стран Прибалтики. Такое ее восприятие, с одной стороны, безусловно, системно ограничивает перспективы на успех

и эффективность в Латвии, Литве и Эстонии. С другой же стороны, демонизация России приводит к не всегда адекватному восприятию существующей международно-политической реальности, а значит, к неэффективной политике.

СМИ и медиа-пространство

Характерным примером здесь являются попытки противодействия русскоязычному (что в случае со странами Балтии не всегда означает именно произведенному на территории России⁵) контенту в медийном пространстве — реализуемые на политическом уровне ограничения в работе российских и русскоязычных СМИ, прямое персональное давление на сотрудников русскоязычных СМИ. В частности, с этим постоянно сталкиваются хабы мультимедийной группы *Sputnik*, принадлежащей МИА «Россия Сегодня». Более того, регулирующие СМИ органы государственной власти периодически принимают решения о прекращении вещания российских телеканалов или отдельных русскоязычных передач, как правило, общественно-политического содержания, на местном телевидении.

Однако местные исследователи признают, что российские программы, доступные по кабельному телевидению, пользуются большой популярностью у населения Латвии, Литвы и Эстонии. Это российский программный контент: развлекательные передачи, шоу, концерты, телесериалы. Эти программы более доступны по сравнению с немецкими и американскими аналогами с точки зрения «цена — качество» [19, р. 122]. Их предпочитают другим возможным альтернативам более 50 % представителей всех национальных меньшинств, проживающих на территории Латвии, Литвы и Эстонии (русские, евреи, поляки, белорусы, украинцы, караимы и др.), и около 10—30 % титульного населения каждой из стран [22, р. 19].

Влияние русскоязычных СМИ в странах Балтии рассматривают как угрозу безопасности, в то время как сами представители этих СМИ оценивают роль русскоязычной прессы в политической и экономической жизни Латвии, Литвы и Эстонии как незначительную⁶. В то же время, по мнению прибалтийских исследователей, русскоязычные СМИ в Латвии, Литве и Эстонии не являются источниками информации, заслуживающими доверия, поскольку находятся под прямым влиянием и контролем со стороны российских деятелей, формирующих информационную политику, финансируются из средств российских государственных ведомств и фондов [21, р. 4].

При этом запретить СМИ на русском языке в странах Прибалтики не представляется возможным, поскольку в каждом из трех государств проживают значительные по численности нацменьшинства (даже если они и не признаются таковыми официально), для которых русский язык — родной. В противном случае это бы противоречило языковой политике ЕС⁷.

⁵ Например, ежедневная газета «15 мин», которая издается в Литве на русском и литовском языках, входит в норвежский медиа-холдинг *Shibsted* (ему же принадлежит *Eesti Media* — крупнейшая медиа-группа в Эстонии, в которую в том числе входит крупнейшая газета *Postimees*, телеканал «Канал 2» и др.) или специально созданный для вещания именно на русскоязычную аудиторию эстонский канал *ETV+*. Подобные СМИ, впрочем, не рассматриваются в качестве потенциальных проводников «мягкой силы» России.

⁶ *Tarasenko*: русскоязычные литовские СМИ должны работать на имидж Литвы // *Rubaltic.ru*. 20.08.2013. URL: <http://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/tarasenko-litovskie-smi-na-russkom-yazyke-dolzhy-rabotat-na-obraz-litvy20082013/> (дата обращения: 16.01.2019).

⁷ *Language policy* // *Fact Sheets on the European Union*. European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/142/language-policy> (дата обращения: 16.01.2019).

Языковая разобщенность латвийского и эстонского обществ уже в конце 1980-х — начале 1990-х годов привела к возникновению двух обособленно существующих информационных пространств [23, с. 98]. Поэтому в информационно-ценностном противостоянии России и Запада на пространстве Прибалтики, в этой комплексной борьбе дискурсов русские/русскоязычные и представители титульных этносов, как правило, занимают противоположные позиции (около 60—65 % в каждой группе; при этом титульная часть граждан этих стран более консолидирована в ценностном и идеологическом плане, а среди русскоязычного населения палитра мнений гораздо разнообразнее, и около 25—35 % российскую позицию не поддерживают) [24].

Следует отметить, что русскоязычные СМИ (как и СМИ на титульных языках) существуют в активном конкурентном пространстве. К примеру, в пакете кабельного телевидения в станах Прибалтики наряду с русскоязычными телеканалами в равной степени представлены телеканалы стран ЕС: немецкие (*Deutsche Welle, ZDF*), польские (*TV Polsat, Polonia, TV Belsat*), белорусские («Беларусь-ТВ»), а также глобальные СМИ, вещающие на английском языке, — *BBC, CNN, Discovery, Animal Planet*, и европейские СМИ: *Euronews, Eurosport*. Однако этнические группы, как правило, предпочитают смотреть телевидение на своем родном языке и склонны доверять подаче информации на нем больше, чем на языке этнического большинства или других языках. Вместе с тем конкурентная среда — это то, с чем в любом случае сталкиваются мнимые или действительные проводники и ресурсы «мягкой силы» России в странах Прибалтики.

Образование

Не является исключением и образовательная сфера, представляющая исключительную важность с точки зрения ценностных ориентаций студенческой аудитории, которая является наиболее значимой для будущего отношений наших стран.

Однако ценностные установки молодежи в большей степени находятся в сфере прагматизма (получение хорошего образования, поиск высокооплачиваемой работы, карьерные перспективы), в свете чего возможность безвизового выезда на работу или учебу в страны Западной Европы представляется для нее более перспективной и приоритетной. К примеру, если в 2004 году в вузы стран ЕС поступили 788 абитуриентов из Латвии, то, для сравнения, в 2012 году такой выбор сделали около 2 тыс. человек, т. е. в 3 раза больше; в Латвии такую динамику оценивают как показатель лояльности населения Латвии к ЕС [16, р. 226]. У абитуриентов из Латвии среди вузов стран ЕС наибольшей популярностью пользуются вузы Германии, Финляндии, Швеции, Дании, Франции, Испании. Схожими цифрами оценивается и количество абитуриентов из Литвы и Эстонии (2,5—3 и более 1 тыс. соответственно), ежегодно отправляющихся обучаться в европейские вузы. Содействие в поступлении в вузы этих стран оказывают фонды поддержки программ учебных обменов и грантов на получение высшего образования в странах ЕС. Сегодня в странах Прибалтики присутствует около 20 программ, в том числе *Comenius, Erasmus+*, *Erasmus Mundus, Leonardo da Vinci, Tempus* и др.

В то же время численность выходцев из стран Балтии в российских вузах остается незначительной (табл. 1), как и федеральная квота на прием граждан этих государств для обучения в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре, а также по программам высшего и профессионального дополнительного образования (табл. 2). Кроме того, власти прибалтийских государств предпринимают попытки регулировать поток абитуриентов в Россию. К примеру, Министерство образования

и науки Эстонии до 2005 года контролировало списки кандидатов, формируемые российской стороной. Однако после 2005 года, когда процедура отбора кандидатов из Эстонии стала проходить через аффилированное с Россотрудничеством и Министерством образования и науки Российской Федерации НПО «Институт Пушкина», возможности контроля сократились. Эстонская сторона в ответ потребовала ежегодно предоставлять процедуру отбора абитуриентов и документы, подтверждающие выбор кандидатов [21, р. 57].

Таблица 1

**Численность представителей стран Балтии, обучавшихся в российских вузах
в 2005/2006 – 2016/2017 учеб. годах, чел.**

Страна	2005/ 2006	2006/ 2007	2007/ 2008	2008/ 2009	2009/ 2010	2010/ 2011	2011/ 2012	2012/ 2013	2013/ 2014	2014/ 2015	2015/ 2016	2016/ 2017
Латвия	367	408	488	517	626	647	731	682	755	676	488	671
Литва	599	510	509	427	456	520	481	507	656	503	509	414
Эстония	310	322	271	272	338	355	416	369	522	552	271	389
<i>Всего</i>	1276	1240	1268	1216	1420	1522	1628	1558	1933	1731	1268	1474

Источник: Экспорт российских образовательных услуг: стат. сб. Вып. 8 / Министерство образования и науки Российской Федерации. М., 2018. С. 41.

Таблица 2

**Государственные стипендии (квоты) для обучения иностранных граждан
и соотечественников из стран Балтии в российских вузах
за счет средств федерального бюджета**

Страна	2007/ 2008	2008/ 2009	2009/ 2010	2011/ 2012	2014/ 2015	2015/ 2016	2016/ 2017	2017/ 2018
Латвия	85	85	130	130	87	80	144	126
Литва	85	85	130	112	124	90	92	73
Эстония	85	85	130	85	90	55	87	82

Источник: Экспорт российских образовательных услуг: стат. сб. Вып. 8 / Министерство образования и науки Российской Федерации. М., 2018. С. 286.

Отметим, что российские исследователи, в свою очередь, говорят о недостаточной прозрачности процедуры распределения квот Министерства образования и науки между иностранными абитуриентами на обучение в российских вузах, несмотря на то, что процедура включает в себя несколько этапов отборочных мероприятий. Это оказывает негативное влияние на эффективность предоставления стипендий на обучение в России как одного из элементов «мягкой силы» России в сфере образования. «Принцип распределения подавляющего большинства стипендий остается неясным. Существующая система выделения международных стипендий за счет федерального бюджета, несмотря на то, что она, безусловно, выгодна вузам (и студентам), может быть недостаточно эффективной с точки зрения «мягкой силы». Россотрудничество отвечало приблизительно за 650 стипендий; большинство же стипендий было распределено через другие каналы, включая российские посольства и министерства образования иностранных государств» [25, с. 58].

Собственно русскоязычная часть молодежной аудитории, на которую в основном и ориентированы эти квоты, неоднородна. Как отмечает латвийский молодежный активист М. Драгиле, русская молодежь Латвии делится «на несколько групп,

которые отличаются интересами, в том числе и видения будущего Латвии»: 1) те, кто ориентирован уехать на Запад и рассматривает себя «гражданами Европы»; 2) те, кто планирует свое «профессиональное становление в Латвии», в первую очередь в политической сфере, и готовы «принять местные правила игры», т. е. ассимилироваться; 3) те, кто ориентируется на Россию или даже планирует туда переехать; 4) те, кто считает себя носителями русской культуры в Латвии, но ассоциирует себя с Латвией. При этом в массе своей все эти категории достаточно пассивны в общественно-политическом плане, и «всего 3 % молодежи включаются в общественные и политические процессы, ориентированы на изменение ситуации»⁸, причем титульная молодежь гораздо более активна в общественно-политическом плане.

Кроме того, местные правоконсервативные политики и силовые структуры в последние годы стали оказывать активное давление на университетские сообщества, молодежные организации и даже школы⁹, которые сотрудничают с организациями в России, участвуют в работе международных молодежных лагерей, студенческих школ. Весьма показательны слова бывшего главы МИД Литвы, а затем посла, главы представительства Европейского союза в России В. Ушацкаса: «С сожалением приходится признавать, что университеты Литвы не проявляют той активности, какую демонстрируют другие государства-члены ЕС, участвующие в студенческом обмене, научных и исследовательских программах с российскими университетами. Надеюсь, что это не является, как мне обмолвились некоторые ректоры, последствием «политической стимуляции сверху» отказаться от связей и любых отношений с российскими университетами»¹⁰.

Очевидно, что образовательная сфера и студенческая среда — наилучшее пространство, попадая в которое, молодые люди в течение 4—10 лет нахождения в университете становятся частью социально-культурной среды страны обучения. Ярким примером подобной социализации является Российский университет дружбы народов. Непременное условие успешности такого подхода — «языковое погружение», поскольку незнание или недостаточное знание языка (например, в случае обучения исключительно на английском) не позволяет пройти такую социализацию в полной мере.

Особенность же студентов, приезжающих учиться в Россию из государств Балтии, заключается в том, что они уже — в подавляющем большинстве случаев — являются носителями российской культуры и русского языка. Тем самым экспорт российских образовательных услуг практически не затрагивает «титульную» молодежь, то есть не только не способствует преодолению культурного и ценностного разрыва между ней и русскоязычной молодежью в этих странах, но фактически его усугубляет. Более того, выпускники российских вузов вряд ли могут рассчитывать на карьеру на государственной службе и в политике, поскольку полученное в России образование станет, скорее всего, темным пятном в их биографии в условиях почти параноидальной боязни России.

---

⁸ *Драгиле*: необходимо развивать сотрудничество молодежи России и Латвии // RuBaltic.ru. 19.08.2013. URL: <http://www.rubaltic.ru/article/obrazovanie-i-nayka/dragile-neobkhodimorazvivat-sotrudnichestvo-molodezhi-rossii-i-latvii/> (дата обращения: 16.01.2019).

⁹ *Прояснилось*, у кого провели обыски в двух русских школах // ru.Delfi.lt. 2014. 3 дек. URL: <http://ru.delfi.lt/news/live/proyasnilos-u-kogo-proveli-obyski-v-dvuh-russkih-shkolah.d?id=66568056> (дата обращения: 16.01.2019).

¹⁰ *Ректор* Данюнас: хороших университетов в России сейчас немного // Ru.Delfi.lt. 2015. 17 авг. URL: <http://ru.delfi.lt/news/live/rektor-danyunas-horoshih-universitetov-v-rossii-sejchas-nemno-go.d?id=68751546> (дата обращения: 16.01.2019).

Бизнес-сфера для них оказывается гораздо более перспективной — здесь, скорее всего, пригодится и знание русского языка, и понимание российской жизни и общественно-политических реалий, полученное за время обучения в России. Например, латвийские работодатели часто указывают в качестве необходимого условия при приеме на работу знание трех языков (латышского, английского и русского). Проведенный компанией по отбору персонала *CV-Online Latvia* в Латвии весной 2015 года социологический опрос показал:

- «57 % респондентов считают, что молодые люди, не владеющие русским языком, дискриминируются на рынке труда;
- 14 % респондентов не получили работу, так как не владеют русским;
- 49 % уверены, что наличие знания русского языка является ключом к успеху на рынке труда;
- лишь 10 % экономически активных жителей полагают, что знание русского языка не влияет на конкурентоспособность на рынке труда»¹¹.

Отсюда возникли и достаточно парадоксальные поправки к закону о труде, разработанные националистическим блоком *Visu Latvijai — TB/LNNK*, запрещающие работодателю требовать от работника знания иностранного языка, если его использование не входит в его рабочие обязанности¹². Практически эти меры направлены на улучшение положения латышской молодежи, которая вследствие системной латышизации культурно-образовательного пространства последних десятилетий гораздо хуже владеет русским языком, чем представители национальных меньшинств, и сегодня оказалась на рынке труда в неблагоприятном положении. В то же время, как уже было отмечено, именно знание русского языка (согласно последней переписи населения 2011 года в Риге русский язык является «языком домашнего общения» для 55,8 % жителей, в Латгалии — для 60,3 %, по всей Латвии — для 37,2 %¹³) выступает важным конкурентным преимуществом (и, соответственно, требованием) при приеме на работу в различных отраслях сферы услуг и торговли (банковское дело, консалтинг, туризм, логистика, розничная торговля и др.), так как большинство из них по традиции в значительной мере ориентированы на Россию, продолжающую играть главную роль во всех областях жизни современных прибалтийских государств.

Культура

Как отмечают исследователи, в странах Балтии «европейское пространство институтов причудливым образом накладывается на постсоветское пространство страхов и общественных настроений» [26, с. 77]. И это находит свое отражение в сфере культуры, традиционно подпитывающей сохранение этих стран в пространстве российской «мягкой силы».

По мнению латвийского исследователя Г. Пелленса, в современной Латвии представлены три направления российской культуры: 1) основанная на глубоких традициях высокая российская культура; 2) советская культура; 3) современная культу-

¹¹ *Опрос*: молодежь без знания русского языка дискриминируется на рынке труда // Mixnews. 14.04.2015. URL: <http://www.mixnews.lv/ru/society/news/2015-04-14/174066> (дата обращения: 16.01.2019).

¹² Nr: 1167/Lp12. Grozījumi Darba likumā // 12. Saeima. URL: <http://titania.saeima.lv/LIVS12/saeima/livs12.nsf/webSasaiste?OpenView&restrictcategory=1167/Lp12> (дата обращения: 16.01.2019).

¹³ *At home* Latvian is spoken by 62 % of Latvian population; the majority — in Vidzeme and Lubāna county // Central Statistical Bureau of Latvia. 26.09.2013. URL: <https://www.csb.gov.lv/en/statistics/statistics-by-theme/population/census/search-in-theme/1442-home-latvian-spoken-62-latvian-population> (дата обращения: 16.01.2019).

ра, в своем проявлении во многом повторяющая и следующая традициям западной культуры. Они позволяют охватить все население современной Латвии, поэтому с точки зрения «мягкой силы» России сама модель присутствия российской культуры представляется эффективной: высокая культура вызывает симпатию у интеллигенции и политической, академической и творческой элиты; современная культура пользуется интересом у масс, посещающих концерты современных российских музыкальных групп и исполнителей, следящих за разного рода российскими танцевальными и ледовыми шоу; а советская культура вызывает ностальгию у более возрастного населения, и, более того, при современной «упаковке» этой культуры (молодежные толстовки, футболки, кружки и матрешки с изображением советских лидеров и др.) советская культура привлекает и молодое поколение [27, р. 190].

В шведском докладе 2012 года «Безопасность и обороноспособность стран Балтии» отмечается, что российская индустрия развлечений как элемент массовой культуры популярна в странах Прибалтики в силу меньшей стоимости в сравнении с конкурентными предложениями США и ведущих стран ЕС при сопоставимом качестве [28, р. 19—20]. Это также подтверждают исследователи из Латвии. Они фиксируют, что российская массовая культура — кино, сериалы, мультфильмы, шоу, мода и др. — «приходят в дом каждого латыша через экран телевизора» и пользуются среди латвийского населения значительной популярностью [21, с. 95]. Происходит это даже в условиях предпринимаемых властями прибалтийских государств политических ограничений.

Эти ограничения проявляются, например, в виде запрета на проведение концертов в странах Балтии российских артистов, позволивших себе публично заявить о своих политических взглядах, которые расходятся с официальной позицией государств Прибалтики по этим же вопросам. Так, в 2014 году в Латвии накануне открытия в Юрмале международного конкурса молодых исполнителей популярной музыки «Новая волна», который проводился с 2002 года и был долгосрочным, экономически выгодным проектом, латвийский МИД составил «черный список» граждан России, которым запрещается въезд в страну. В список вошли российские артисты Иосиф Кобзон, Олег Газманов и певица Валерия. В ответ российская сторона приняла решение о переносе конкурса из Юрмалы в Россию, в Сочи. Схожая ситуация произошла и с ежегодным музыкальным фестивалем команд КВН «Голосящий КиВиН», который с 2015 года стал проводиться в г. Светлогорске (Калининградская область) вместо Юрмалы.

Впрочем, ряд традиционных ежегодных форматов сохраняется. К таковым можно отнести театральный фестиваль «Золотая маска», который проходит в Латвии и начиная с 2004 года в Эстонии. В рамках фестиваля в Латвию и Эстонию с гастролями приезжают лучшие российские театры, причем не только в столицы, но и в другие города: Лиенау и Вентспилс (Латвия), Тарту и Нарву (Эстония). Фестиваль пользуется большой популярностью не только среди русского населения. Напротив, он привлекает в первую очередь представителей этнического большинства. Эстонские исследователи отмечают, что в последние годы популярность российского театра в Эстонии стала настолько заметной, что сформировала новый тренд среди молодого поколения эстонских актеров и режиссеров театра и кино. Ввиду того что большинство звезд эстонского театра получали образование в Российском институте театрального искусства (ГИТИС), а большинство известных кинорежиссеров — во Всероссийском государственном институте кинематографии имени С. А. Герасимова (ВГИК), в Эстонии сложилась мода на получение дополнительного профессионального образования или повышение квалификации в России [21, р. 57]. То же можно сказать и о латвийских актерах [29].

В Нарве (Эстония) в День города ежегодно с 2012 года проходит фестиваль современного искусства Санкт-Петербурга «Мост Дружбы», а в Йыхви (Эстония) с 2002 года ежегодно проводится международный праздник песни и танца «Славянский венок», который по своему замыслу связан с идеей «Русских сезонов» С. Дягилева. В Литве с 2005 года в Вильнюсской филармонии проводится ежегодный рождественский фестиваль международной программы «Диалог культур», а в церквях и костелах Вильнюса также с 2005 года проходит Международный фестиваль русской духовной музыки.

В Латвии проведению Россией культурных мероприятий способствует наличие собственной площадки — «Дома Москвы» в Риге. Начиная с 2011 года на площадке «Дома Москвы» регулярно организуется фестиваль российского кино «Московская премьера». Несколько раз в год в «Доме Москвы» проходят творческие вечера, посвященные русским писателям, поэтам, композиторам, а также региональные съезды соотечественников, конференции, награждения победителей различных конкурсов, в том числе среди школьников и молодежи, приуроченных к памятным датам истории и культуры России и т. д. В Эстонии у России собственной площадки для проведения культурных мероприятий, которая была бы центром притяжения российской культуры, нет. В Вильнюсе еще с 2004 года ведется строительство «Дома Москвы». Однако работы до сих пор не завершены в силу политических обстоятельств. В СМИ идут дискуссии относительно допустимости возведения подобного учреждения в столице Литвы; «Дом Москвы» СМИ Литвы называют «еще одним инструментом Кремля в реализации политики по оказанию поддержки соотечественников за рубежом, цель которой — обеспечить присутствие России на территории иностранных государств»¹⁴.

При этом отметим, что представленность литовской «мягкой силы» в России не политизируется, а наоборот, она более чем востребована в российском культурном пространстве. Так, в театрах Москвы сегодня с большим успехом работают литовские режиссеры Р. Туминас (Театр им. Е. Вахтангова), М. Карбаускис¹⁵ (Театр им. В. Маяковского), О. Коршуновас¹⁶. В театрах России на постоянной основе работают литовские актеры, например И. Дапкунайте и Л. Лауцявичюс. Литовский пианист Л. Генюшас регулярно дает концерты в России; большой популярностью среди молодежи пользуется и литовская фолк-исполнительница А. Орлова. Литовские фигуристы П. Ванагас и М. Дробязко — постоянные участники шоу по фигурному катанию на российском телевидении, а также участники концертных программ по фигурному катанию, организуемых российскими фигуристами. Артист балета литовского происхождения Г. Таранда до 1993 года был солистом Большого театра России, а с 1994 года возглавляет труппу «Имперский русский балет».

Таким образом, отметим, что культурное сотрудничество сохраняет значительные возможности с точки зрения проецирования «мягкой силы» России, причем безусловным преимуществом этого проводника «мягкой силы» является то, что ее содержание объективно привлекательно для аудиторий этнического большинства Латвии, Литвы и Эстонии. Однако в заключение и здесь констатируем, что на территории стран Балтии существует конкуренция «мягких сил» разных государств. В частности, в Латвии, Литве и Эстонии присутствуют *British Council* (Великобри-

¹⁴ *Keršanskas V.* Ar Vilniui reikia daugiau Maskvos? // delfi. lt. URL: <http://www.delfi.lt/news/ringas/lit/v-kersanskas-ar-vilniui-reikia-daugiau-maskvos.d?id=68789244> (дата обращения: 16.01.2019).

¹⁵ Отметим, что М. Карбаускис — брат Р. Карбаускиса, председателя Партии крестьян и зеленых Литвы, имеющей после парламентских выборов 2016 года наибольшую в Сейме фракцию (54 места из 141).

¹⁶ До последнего времени также Э. Някрошюс (1952—2018).

тания), *Institut français du Royaume-Uni* (Франция), *Goethe-Institut* (Германия), *Det Danske Kulturinstitut* (Дания), *Confucius Institute* (Китай) и др., а также Объединение институтов культуры стран Европейского союза (*The European Union National Institutes for Culture*). В текущей политической ситуации¹⁷ проекты этих акторов могут оказаться более привлекательными для аудиторий (в том числе для соотечественников и «еврорусских») в странах Прибалтики, чем российские, поскольку не будут нести в себе соответствующей политической окраски, хотя и имеют иное ценностное наполнение.

Выводы

Сегодня проецирование «мягкой силы» России оценивается в государствах Прибалтики в категориях «жесткой силы» — как угроза национальной безопасности, а любые положительные для России результаты этого процесса только усиливают подобное отношение. Безусловно, присутствующий в русскоязычном медиапространстве стран Балтии информационный контент (в том числе и создаваемый в России) часто не соответствует тем политическим парадигмам и культурным паттернам, на которые ориентируется значительная часть прибалтийских элит да и представителей структур, сегодня наиболее активно занимающихся в этих странах противодействием «мягкой силе» России. Вместе с тем существующие в конкурентном пространстве российские СМИ, культура (как высокая, так и массовая), отчасти образовательные услуги показывают свою востребованность и конкурентоспособность, практически не нуждаясь в дополнительном продвижении.

Оставаясь до сегодняшнего дня «плоть от плоти» постсоветскими, страны Прибалтики предпринимают сознательные попытки по выходу из обусловленной естественными географическими факторами и общей историей сферы российского притяжения. Однако, как представляется, если эфемерную «постсоветскую идентичность» при соответствующих усилиях в социально-политической и культурно-образовательной сферах преодолеть за несколько поколений можно, то возможно ли отказаться от наследия столетий совместного проживания бок о бок? И в этом смысле потенциал проецирования «мягкой силы» (а если говорить проще — традиционного и естественного для соседей с богатой культурно-исторической традицией воздействия) на страны Балтии остается значительным.

При этом основные задачи проецирования «мягкой силы» России, связанные с сохранением русскоязычного культурно-информационного пространства, консоли-

---

¹⁷ Даже совершенно безобидный мультсериал «Маша и Медведь» объявляется «путинской пропагандой», а соответствующее шоу запрещается для показа в Риге («Очень детективная история»: в Риге отменили новогоднее представление «Маша и Медведь» // Sputnik Latvia. 04.12.2018. URL: <https://lv.sputniknews.ru/Latvia/20181204/10207435/Ochen-detektivnaya-istoriya-v-Rige-otmenili-novogodnee-predstavlenie-Masha-i-Medved.html> (дата обращения: 16.01.2019)). А реакцией на состоявшийся в октябре 2018 года матч команд (финского «Йокерита» и московского «Спартак») Континентальной хоккейной лиги (КХЛ) в Таллине на местной ледовой арене «Тондираба» стала статья главного редактора газеты *Postimees* Отта Ярвелы «Визит «Йокерита», или политический проект Путина в виде клуба КХЛ в Таллине не нужен», в которой он отметил: «Визит КХЛ в Таллин — интересное спортивное событие, и я понимаю энтузиазм любителей хоккея в Эстонии. Однако будет жаль, если эти визиты приведут к постоянным отношениям между столицей Эстонии и КХЛ. Русский бастион мягкой силы здесь не нужен. Монстры с Востока не выглядят честными, просто не выглядят. Это касается не только хоккея, но и спорта в целом» (*Трус не играет в хоккей? Почему в Эстонии испугались КХЛ* // Baltnews. 30.10.2018. URL: https://baltnews.ee/tallinn_news/20181030/1017068145/Estonia-khl-match-rusofobiya.html (дата обращения: 16.01.2019)).

дацией русской общины, поддержанием статуса русского языка в прибалтийских государствах как *lingua franca* и расширением представленности российской позиции в СМИ и научных публикациях для улучшения восприятия России и российской политики, в любом случае будут рассматриваться как угроза. Впрочем, на практике это уже сегодня приводит не только к ресурсозатратной борьбе с ветряными мельницами мнимого российского влияния, но и вызывает вполне конкретные негативные эффекты вследствие целенаправленного отказа от тех преимуществ, которые вызывает в себе добрососедское взаимодействие с Россией.

Следует, однако, признать, что несмотря на значительный этнокультурный «ресурс» русскоязычных (так называемых еврурусских) в странах Балтии, на сегодняшний день возможности для эффективного проецирования «мягкой силы» России в этом регионе по известным политическим причинам весьма ограничены. Не стоит забывать и о неоднородности русскоязычного населения на территории стран Прибалтики. Проживающие с дореволюционных времен общины старообрядцев имеют мало общего с приезжавшими на стройки советских времен лимитчиками, а уезжавшие из Москвы и Ленинграда представители творческой интеллигенции — с оседавшими в прибалтийских республиках военными пенсионерами. А потому измерить эффективность проецирования российской «мягкой силы» практически невозможно, как вряд ли возможно оценить ту угрозу (и существует ли она вообще?), которую, по мнению прибалтийских исследователей, она несет государственности стран Балтии.

Вместе с тем не следует забывать о том, что эффективность российской «мягкой силы» (и не только в отношении государств Балтии) зависит от степени успешности развития российского государства и общества. Под «мягкой силой» Дж. Най подразумевал не только влияние (*influence*), но и привлекательность (*attractive power*) [30]. Поэтому, как справедливо отметил Ф. А. Лукьянов, «до тех пор, пока сама Россия не определится с новой самоидентификацией, той, что придет на смену окончательно исчерпанной советской и так и не появившейся постсоветской, “мягкая сила” сведется к набору технических мер — бесполезных, но не меняющих ничего по существу» [30].

Список литературы

1. Nye J. S. Bound to lead: the changing nature of American power. N. Y., 1990.
2. Най Дж. Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск, 2006.
3. Anholt S. Is place branding a capitalist tool? // Place Branding. 2006. Vol. 2, iss. 1. P. 1—4.
4. Nisbett M. Who holds the power of soft power? // Arts and International Affairs. 2016. № 1 (1). URL: <https://theartsjournal.net/2016/03/13/nisbett/> (дата обращения: 16.01.2019).
5. Waller J. Michael Strategic Public Diplomacy, Counterpropaganda, and Political Warfare. Institute of World Politics Press, 2008.
6. McClory J. A. Global Ranking of Soft Power. Portland, 2018. URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf> (дата обращения: 16.01.2019).
7. Zaharna R. S. The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy // The Hague Journal of Diplomacy. 2007. Vol. 2, iss. 3. P. 213—228. doi: <https://doi.org/10.1163/187119007X240505>.
8. Papadopoulos N. Place branding: Evolution, meaning and implications // Place Branding. 2004. Vol. 1, iss. 1. P. 36—49.
9. Szondi G. Public Diplomacy and Nation Branding: Conceptual Similarities and Differences // Discussion Papers in Diplomacy. Netherlands Institute of International Relations ‘Clinga-dael’, 2008. URL: <http://www.kamudiplomasisi.org/pdf/nationbranding.pdf> (дата обращения: 16.01.2019).
10. Anholt S. Editorial // Place Branding and Public Diplomacy. 2004. Vol. 1, iss. 1. P. 4—11. doi: <https://doi.org/10.1057/palgrave.pb.5990001>.

11. *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998.
12. *Лебедева М. М.* «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3(54). С. 212—223. doi: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223.
13. *Лебедева М. М., Фор Ж.* Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. №(6)9. С. 200—205.
14. *Леонова О. Г.* Мягкая сила — ресурс внешней политики государства // Обозреватель-Observer. 2013. № 4. С. 27—40.
15. *Торкунов А. В.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 85—93.
16. *The different faces of “soft power”: the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU* / ed. by T. Rostoks and A. Sprüds. Latvian Institute of International Affairs, 2015.
17. *Isoda V.* Minkštosios galios generavimas ir reikšmė valstybių užsienio politikoje XXI amžiuje: JAV atvejis // Politikos mokslų almanachas. 2010. iss. 7. P. 93—114.
18. *Grigas A.* Legacies, Coercion and Soft Power: Russian Influence in the Baltic States. Chattam House Briefing Paper, 2012.
19. *Maliukevičius N.* “Tools of destabilization”: Kremlin media offensive in Lithuania // Journal on Baltic Security. 2015. Vol. 1, iss. 1. P. 117—126.
20. *Paet U.* EU Soft Power: Estonia versus the Multiplication of Brutality // Diplomaatia. 2014. URL: <https://icds.ee/eu-soft-power-estonia-versus-the-multiplication-of-brutality/> (дата обращения: 16.01.2019).
21. *Tools of Destabilization Russian Soft Power and Non-military Influence in the Baltic States* / ed. by M. Winnerstig. Swedish Defense Research Agency, 2014.
22. *Martine S.* Language use in Latvian radio and television: legislation and practice. Centre for public policy, PROVIDUS, 2004.
23. *Симонян Р. Х.* Балтийские масс-медиа: динамика последнего десятилетия // Социологические исследования. 2004. № 2 (238). С. 98—105.
24. *Sepuritis M., Gulbis R.* Ārpolitikas mīti Latvijā: Eiropas Savienība un Krievija, Rīga. Latvijas Vēstures mazās bibliotēkas atbalsta fonds, 2012.
25. *Долинский А. В.* Образовательные обмены в публичной дипломатии: российский и зарубежный опыт // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2(35). С. 56—62.
26. *Вендина О. И., Колосов В. А., Себенцов А. Б.* Является ли Прибалтика частью постсоветского пространства // Международные процессы. 2014. Т. 12, № 1—2 (36—37). С. 76—92.
27. *Pelnens G.* The “Humanitarian Dimension” of Russian Foreign Policy toward Georgia, Moldova, Ukraine, and the Baltic States. Riga, 2009.
28. *Ljung B., Malmlöf T., Neretnieks K., Winnerstig M.* The Security and Defensibility of the Baltic States. FOI-R-3471-SE, Stockholm, 2012.
29. *Иванцова А.* Театр и кино в Риге // День культуры стран Балтии: сб. матер. конф. / под ред. В. В. Воротникова, П. В. Осколкова. М., 2015. С. 19—27.
30. *Лукьянов Ф. А.* Парадоксы российской «мягкой силы» // Франко-российский аналитический центр «Обсерво». 2014. URL: http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf (дата обращения: 16.01.2019).

Об авторах

Владислав Владиславович Воротников, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки; научный сотрудник Центра европейских исследований Института международных исследований, МГИМО МИД России, Россия; ведущий научный сотрудник, отдел исследований Центральной и Восточной Европы, Институт Европы РАН, Россия.

E-mail: vorotnikov.vladislav@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3374-5677>

Наталья Анатольевна Иванова, кандидат политических наук, руководитель направления Департамента по связям с общественностью и управлению брендом, АО «Гражданские самолеты Сухого», Россия.

E-mail: nataliya.vilnius@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-893X>

RUSSIAN SOFT POWER IN THE BALTIC STATES THROUGH THE LENS OF RESEARCH: TRADITIONS, COMPETITION, CONFRONTATION

V. V. Vorotnikov^{a, b}

N. A. Ivanova^c

---

^a MGIMO University,
76, Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia

^b The Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
11-3, Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russia

^c Sukhoi Civil Aircraft Company
26–5, Leninskaya Sloboda, Moscow, 115280, Russia

Received 25 March 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-6

In this article, we aim to analyse the research discourse in the Baltic countries (Estonia, Latvia, and Lithuania) as regards Russian soft power, which is considered as hard power, and to compare the theses that dominate this discourse with the actual interactions between Russia and the three states in media, education, and culture. Each Baltic country has built a system of political and legal restrictions to diminish the effect of Russian soft power, which is considered in terms of hard power, i.e. as a threat to national security. The current forms of Russian soft power are becoming less productive in the region and their use in the negative political context of bilateral relations has the opposite effect for Russia – the country loses in reputation and image. The main factor at play is the information content of the Russian-language media space. At odds with the historical and political views of a significant part of the Baltic States' ruling class, it is becoming the target of counteraction. At the same time, Russian high and mass culture and, partly, educational services are in demand from both Baltic Russian speakers and ethnic Lithuanians, Latvians, and Estonians. Our analysis shows that the views of Baltic researchers that Russian soft power is politics-driven and foreign to the region are exaggerated and biased. In its turn, Russian soft power in the Baltics retains the potential to aid the country's foreign policy, being a complement to the latter rather than its direct tool.

Keywords:

soft power, effect of soft power, Russian foreign policy, Baltic states, Estonia, Latvia, Lithuania

References

---

1. Nye, J. S. 1990, *Bound to lead: the changing nature of American power*, New York, Basic Books, 370 p.

To cite this article: Vorotnikov V. V., Ivanova N. A. 2019, Russian soft power in the Baltic States through the lens of research: traditions, competition, confrontation, *Balt. Reg.*, Vol. 11, no. 3, p. 107–124. doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-6

2. Nye, J. S. 2006, *Gibkaya vlast': Kak dobit'sya uspekha v mirovoi politike* [Soft Power: The Means to Success in World Politics], Novosibirsk, FSPI "Trendy", 221 p. (in Russ.)
3. Anholt, S. 2006, Is place branding a capitalist tool? *Place Branding*, Vol. 2., no. 1, p. 1—4.
4. Nisbett, M. 2016, Who holds the power of soft power? *Arts and International Affairs*, no. 1 (1), available at: <https://theartsjournal.net/2016/03/13/nisbett/> (accessed 16.01.2019).
5. Waller, J. 2008, *Michael Strategic Public Diplomacy, Counterpropaganda, and Political Warfare*, Institute of World Politics Press, 408 p.
6. McClory, J. A. 2018, *Global Ranking of Soft Power*, USC Center on Public Diplomacy, Portland, available at: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf> (accessed 16.01.2019).
7. Zaharna, R. S. 2007, The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy, *The Hague Journal of Diplomacy*, Vol. 2, no. 3, p. 213—228. Doi: <https://doi.org/10.1163/187119007X240505>.
8. Papadopoulos, N. 2004, Place branding: Evolution, meaning and implications, *Place Branding*, Vol. 1, no. 1, p. 36—49.
9. Szondi, G. 2008, *Public Diplomacy and Nation Branding: Conceptual Similarities and Differences. Discussion Papers in Diplomacy*, Netherlands Institute of International Relations 'Clingadael', 52 p., available at: <http://www.kamudiplomasisi.org/pdf/nationbranding.pdf> (accessed 16.01.2019).
10. Anholt, S. 2004, Editorial, *Place Branding and Public Diplomacy*, Vol. 1, no. 1, p. 4—11. Doi: <https://doi.org/10.1057/palgrave.pb.5990001>.
11. Brzezinski, Z. 1998, *Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy* [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives], Moscow, International Relations, 256 p. (in Russ.)
12. Lebedeva, M. M. 2017, Soft Power: The Concept and Approaches, *Vestnik MGIMO-Universita* [MGIMO Review of International Relations], no. 3 (54), p. 212—223. Doi: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223> (in Russ.)
13. Lebedeva, M. M. Fort. J., 2009, Higher Education as Soft Power Potential of Russia, *Vestnik MGIMO-Universita* [MGIMO Review of International Relations], no. (6) 9, p. 200—205 (in Russ.)
14. Leonova, O. G. 2013, Soft Power — Foreign Policy Resource of the State, *Obozrevatel'-Observer*, no. 4, p. 27—40 (in Russ.)
15. Torkunov, A. V. 2012, Education as a Soft Power Tool in Russian Foreign Policy, *Vestnik MGIMO-Universita* [MGIMO Review of International Relations], no. 4, p. 85—93 (in Russ.)
16. Rostoks, T., Sprüds, A. (eds.) 2015, *The different faces of "soft power": the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU*, Latvian Institute of International Affairs, 256 p.
17. Isoda, V. 2010, Minkštosios galios generavimas ir reikšmė valstybių užsienio politikoje XXI amžiuje: JAV atvejis, *Politikos mokslų almanachas*, no. 7, p. 93—114.
18. Grigas, A. 2012, *Legacies, Coercion and Soft Power: Russian Influence in the Baltic States*, Chattam House Briefing Paper, 16 p.
19. Maliukevičius, N. 2015, "Tools of destabilization": Kremlin media offensive in Lithuania, *Journal on Baltic Security*, Vol. 1, no. 1, p. 117—126.
20. Paet, U. 2014, EU Soft Power: Estonia versus the Multiplication of Brutality, *Diplomaatia*, available at: <https://icds.ee/eu-soft-power-estonia-versus-the-multiplication-of-brutality/> (accessed 16.01.2019).
21. Winnerstig, M. (ed.) 2014, *Tools of Destabilization Russian Soft Power and Non-military Influence in the Baltic States*, Swedish Defense Research Agency, 146 p.
22. Martine, S. 2004, *Language use in Latvian radio and television: legislation and practice*, Centre for public policy, PROVIDUS, 79 p.
23. Simonyan, R. H. 2004, Baltic Mass-media: Dynamics of Last Decade, *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 2 (238), p. 98—105 (in Russ.)
24. Cepurītis, M., Gulbis, R. 2012, *Ārpolitikas mīti Latvijā: Eiropas Savienība un Krievija*, Rīga, Latvijas Vēstures mazās bibliotēkas atbalsta fonds, 108 pp.

25. Dolinskiy, A. V. 2014, Educational Exchanges in Public Diplomacy: Russian and International Experience, *Vestnik MGIMO-Universita* [MGIMO Review of International Relations], no. 2 (35), p. 56—62 (in Russ.)
26. Vendina, O. I., Kolosov, V. A., Sebentsov, A. B. 2014, Are the Baltic States Part of the Post-Soviet Space? *Mezhdunarodnye process* [International Trends], Vol. 12, no. 1—2 (36—37), p. 76—92 (in Russ.)
27. Pelnens, G. 2009, *The “Humanitarian Dimension” of Russian Foreign Policy toward Georgia, Moldova, Ukraine, and the Baltic States*, 2nd edn., Riga, CEEPS, 352 p.
28. Ljung, B., Malmlöf, T., Neretnieks, K., Winnerstig, M. 2012, *The Security and Defensibility of the Baltic States*, FOI-R-3471-SE, Stockholm.
29. Ivantsova, A. 2015, Theater and Cinema in Riga. In: Vorotnikov, V. V., Oskolkov, P. V. *Den' kul'tury stran Baltii* [Baltic Cultures Day], Conference proceedings, Moscow, DPK-Press, p. 19—27 (in Russ.)
30. Lukyanov, F. A. 2014, Paradoxes of Russian Soft Power, *Franco-Russian analytical center “Observe”*, available at: http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf (accessed 16.01.2019) (in Russ.)

The authors

Dr Vladislav V. Vorotnikov, Institute for International Studies,
Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation (MGIMO University), Russia; The Institute of Europe,
Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: vorotnikov.vladislav@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3374-5677>

Dr Natalia A. Ivanova, Department of Public Relations and Brand Management,
Sukhoi Civil Aircraft Company, Russia.

E-mail: nataliya.vilnius@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8061-893X>
